

Содержание

Предисловие. ОХОТА НА ВЕДЬМ В АНГЛИИ	5
ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕДЬМОВСТВА	19
Заключение	216
ТРАКТАТ О ДЕМОНАХ И ДУХАХ	217
Заключение	238
ИЛЛЮСТРАЦИИ И ОПИСАНИЯ ФОКУСОВ	239
ПЕРВЫЙ ДЕМОНОЛОГ АНГЛИИ	251
О книге	251
О феномене ведьмовства	259
О демонологии	265
О магии	270
О философии и религии	276
Послесловие. ОХОТА НА ВЕДЬМ В ЕВРОПЕ	282



*Reginald Scot (or Scott)
(c. 1538 – 9 October 1599)*

Предисловие



ОХОТА НА ВЕДЬМ В АНГЛИИ

Устоявшееся мнение, не говоря уже о грубом невежестве, всегда утверждало и с уверенностью заявляло, что наиболее видной и знаковой фигурой в истории английской охоты на ведьм является король Яков I, чье восшествие на английский престол, после того как он занял престол шотландский, стало катализатором для возрождения и драматического усиления активности демонологов. Это и впрямь была самая настоящая охота на ведьм, причем не просто одобряемая, но проповедуемая и с энтузиазмом направляемая самим новым монархом. Утверждают, что чистые лучи «яркого западного светила, королевы Елизаветы» к тому времени давно развеяли свинцовые тучи столь опасного и суеверного заблуждения. Ведьмовство больше не признавалось ее просвещенными подданными, и костры, предназначенные для сожжения колдунов и сатанистов, давно погасли; и именно печальный приход Якова раздул угасающие угли в яростное пламя гонений, в ходе которых тысячи безумных стариков и одурманенных старух оказались сначала в пыточной камере, а затем и на костре.

Прежде всего, раз уж это заблуждение столь упорно и широко распространено, уместно будет заметить, что сожжение на костре никогда не было в Англии наказанием для ведьмы, осужденной за убийство с помощью колдовства. В Англии казнили повешением. И хотя в Шотландии и на континенте смерть на костре была почти повсеместным приговором, поклоняющимся Дьяволу, ни один пример в течение веков не может подтвердить, что в пределах юрисдикции Англии ведьму хоть раз сожгли. В то же время – это ужасное наказание, разумеется,

было известно английскому праву: оно было предусмотрено для любой женщины, совершившей государственную измену (например, покушение, прямое или косвенное, на жизнь монарха) или измену меньшего масштаба (убийство мужа женой, убийство хозяина или хозяйки слугой), и за эти преступления жена или служанка приговаривалась к сожжению.

Правда, осужденных обычно сначала душил у костра плач, хотя закон не предусматривал снисхождение такого рода. Так, 18 марта 1789 года Кристиан Боумен (урожденная Мерфи) была повешена и сожжена на костре в Олд Бэйли за государственную измену («подделку серебряных монет королевства»). Вообще-то она провисела в петле сорок минут, прежде чем дрова подождли. Позднее этот закон изменили. Было объявлено, что после 5 июня 1790 года женщин, осужденных по этому приговору, следует вешать. Однако конкретный метод казни – это лишь нюанс. В любом случае грубое и порочное заблуждение сохранилось. Некоторые авторитетные исследователи утверждают, что до правления Якова I английские суды по делам о ведьмовстве характеризовались скорее неразумностью, чем жестокостью, но с приходом нового монарха начался поистине мрачный и кровавый период в истории этого ужасного суеверия.

В 1563 году при королеве Елизавете был принят новый закон о борьбе с ведьмовством, согласно которому смертная казнь полагалась всем тем, кто «каким-либо способом обращается к злым и нечистым духам в каких-либо целях». Несомненно, столь широкое определение охватило и знахарок, и так называемых белых ведьм, ведь они вызывали и подчиняли себе сверхъестественные, мистические и весьма неоднозначные силы, хотя и исключительно в благих целях: для исцеления людей и животных, предсказания будущего или поиска сокровищ.

Закон также предусматривал смертную казнь за практику ведьмовства, повлекшую смерть человека. За причинение вреда (не смертельного) человеку или имуществу с помощью «ведьмовства, чародейства, заклятий или колдовства» виновный приговаривался к году тюремного заключения и публич-

ному позору в кандалах (кстати, не такое уж легкое наказание) за первое преступление, а за второе – к смертной казни.

Использование магических практик в целях личного обогащения, незаконного присвоения чужого имущества, принуждения к любовной связи или нанесения ущерба здоровью и собственности считалось тяжким преступлением и каралось тюремным заключением и столбом позора. За повторное совершение подобных деяний предусматривалось пожизненное заключение, наказание без права на помилование.

Разумеется, положения елизаветинского законодательства были крайне строгими и не допускали никаких исключений. Множество решений и обвинительных приговоров, принятых в судебных инстанциях, представляет собой неопровержимое свидетельство того, что наказания применялись в полном объеме, а сами законы исполнялись неуклонно и безжалостно.

В первый год правления короля Якова I в Англии был принят устав 1604 года, действовавший вплоть до 1736 года.

И хотя можно было ожидать, что этот документ будет содержать драконовские наказания, продиктованные жестокостью и мстительностью, полные варварства и злой воли, реальность выглядит иначе. По своей сути и даже по стилю устав Якова I во многом следует уставу Елизаветы I. Смерть, как и прежде, является наказанием за вызов злых духов или обращение к ним с любой целью.

Однако добавлен пункт, согласно которому смертной казнью карается «консультация, договор, общение, использование, содержание, кормление или вознаграждение» любого такого существа, а также вскрытие могил с последующим использованием частей трупа для магических целей. Любой акт черной магии, причиняющий вред, но не приводящий к смерти, наказывается смертью при первом же нарушении (в отличие от устава Елизаветы I, где это каралось только со второго раза). Смертная казнь заменяет пожизненное заключение в качестве наказания за изготовление любовных зелий, нанесение вреда людям и скоту, поиск кладов и применение других чар, а

также за умышленное произнесение проклятий и дьявольских заклинаний.

При беспристрастном сравнении двух указов обнаруживается незначительное ужесточение мер ответственности. Смерть была наказанием за вызов демона в соответствии с законами Елизаветы, а это означает, что такая же участь должна была постигнуть того, кто не просто призывал, но и поддерживал, кормил и вознаграждал такого дьявольского служителя.

И хотя елизаветинский закон не касался непосредственно кощунственного вскрытия могил, такие мерзкие деяния имели место, и кто мог бы отрицать, что ведьмы, оскверняющие кладбища и гробницы для использования останков усопших в зловещих колдовских практиках, не заслуживают самого сурового наказания? Такие ужасы встречались довольно часто.

В XVI–XVII веках, когда тюрьмы представляли собой рассадники болезней и страданий, а тифозная лихорадка ежегодно уносила жизни сотен заключенных, которые нередко умирали еще до суда из-за отвратительных условий содержания, пожизненное заключение было равносильно смертной казни. Поэтому официальное вынесение такого приговора не представляло собой ни существенное изменение участи осужденного, ни чрезмерную жестокость к нему. Отсюда можно сделать вывод о том, что при ужесточении мер в законодательстве произошло лишь одно существенное изменение: смертная казнь стала применяться за первое, а не второе проявление вредоносной магии, приводящее к увечьям и телесным повреждениям, причем даже без летального исхода.

Таким образом, существует обоснованная необходимость понять истоки широко распространившегося предвзятого отношения к королю Якову I. Откуда взялось это мнение, что в прежние времена не столь образованные слои населения, а ныне попросту невежественные считали его одержимым тираном, который, прибыв из Шотландии, поднял настоящую бурю нетерпимости и произвола, отправил на тот свет множество людей, единственным преступлением которых была старость и слабоумие?

Несомненно, ответить на этот вопрос не так уж трудно. Прежде всего, шотландский закон «Против ведьмовства», впервые принятый парламентом королевы Марии в 1563 году, был ревностно и яростно исполняем. Он неизменно поощрялся духовенством, чьи проповеди с кафедры о проклятых людях сеяли ужас и панику в сердцах прихожан. В 1590 году состоялось одно из самых известных дел во всей истории ведьмовства: суд над ведьмами Норт-Бервика (Агнес Сэмпсон, Барбарой Нейпир и прочими хорошо известными членами этого ковена).

В этом деле всего было замешано более семидесяти человек. Известно, что тогда имел место хорошо продуманный и широко распространившийся заговор, в котором государственная измена переплеталась с ведьмовством. Мозгом, придумавшим эти заговоры, и тайной рукой, претворявшей их в жизнь, был Фрэнсис Стюарт, граф Босуэлл, рвавшийся к трону. Естественно, Яков проявлял живой интерес к признаниям преступников. Он часто присутствовал на их допросах, где задавал провокационные вопросы и выслушивал показания, которые очень много значили для него.

Спустя девять лет с того момента, как Яков взшел на английский престол, произошли широко известные судебные процессы в Ланкашире, на которых предстало перед судом девятнадцать человек, из которых восемь были оправданы. Десять человек были повешены, а Маргарет Пирсон приговорена к публичному позору.

Вероятно, из-за романтического контекста и благодаря шедевру выдающегося романиста У.Г. Эйнсворта, произведение которого впервые было опубликовано в 1848 году, не говоря уже о труде судебного секретаря Томаса Поттса «Удивительное изобличение ведьм в графстве Ланкастер», опубликованном в 1613 году, этот случай занял особое место в хрониках английской истории о ведьмах, хотя его реальное значение представляется мне не таким уж большим по сравнению с широтой его известности. В 1633–1634 годах произошел прискорбный рост интереса к традиции ведьм Пенда, что привело к одному из са-

мых громких скандалов. Молодой Робинсон разжег огонь лжи по всему графству, в результате чего семнадцать человек были обвинены в ведьмовстве. Однако их осуждение было отменено благодаря вмешательству короля Карла I, который помиловал всех обвиняемых.

Объединив оба инцидента в драматических целях, Брум и Гейвуд сочинили в 1634 году полюбившуюся народу комедию «Последние ланкаширские ведьмы», а в 1681 году Шэдвелл использовал тот же материал для своей пьесы «Ланкаширские ведьмы». И хотя они были, как едко заметил Драйден, «без сомнения, самыми картонными персонажами из всех, когда-либо появлявшихся на сцене», пьеса оставалась популярной до середины XVIII века, а в 1782 году огромный успех имела пантомима Чарльза Дибдина «Ланкаширские ведьмы, или страдания Арлекина».

При благоприятном стечении обстоятельств в литературной среде эта традиция укоренилась, и с тех пор события, изложенные в упомянутых пьесах, неизменно отождествляются с эпохой правления Якова I и трактуются в романтическом ключе. Тот факт, что знаменитая «Демонология в форме диалога, разделенного на три книги» (1597) принадлежит перу короля Якова, был истолкован некоторыми как доказательство его одержимости идеей преследования ведьм. Утверждали, что король, не ограничиваясь собственной деятельностью, составил руководство для других инквизиторов. По их мнению, если бы его рвение не перешло в безумие, он никогда бы не написал подобное произведение.

Несомненно, эта книга была вдохновлена известным делом о ведьмовском шабаше в Норт-Бервике, а также многими воследовавшими за этим судебными процессами, в течение семи лет. Однако считать, что «Демонология» по масштабу, авторитету или значению даже приближается к классическим работам Боге, Реми или де Ланкра, значит сильно ошибаться. В Англии, естественно, его работа приобрела некоторое влияние и использовалась многими чиновниками в качестве учеб-

ника по этому предмету. Однако она не внесла ничего нового ни в трактовку этого вопроса, ни в аргументацию по нему.

И как справедливо заметил Гардинер, Яков «лишь повторил мнения, которые принимались большинством и признавались первыми умами того времени без малейших сомнений». При чтении этого глубокого труда, составленного в форме диалогов, мы не перестаем удивляться умеренности и сдержанности, с которыми Яков излагает свою точку зрения. Подводя итог, можно сказать, что этот трактат скорее уместен, чем глубокомыслен. И он больше похож на «тихий щелчок пистолета», чем на «грохот пушки».

Вероятно, репутация короля Якова как охотника на ведьм во многом обязана епископу Хатчинсону, который в своей работе «Исторический очерк о ведьмовстве» прямо заявляет, что Яков был «зачинщиком и руководителем» в этих делах. Однако, если Хатчинсон был осторожен в своих словах, то его многочисленные последователи, повторяя и развивая мысли этого автора, к сожалению, забыли о сдержанности этого автора и превратили его предположения в утверждения. Мистер Лэстрейдж Эвен, тщательно изучив государственные архивы и протоколы судебных заседаний, с уверенностью заявляет: «Насколько можно судить по имеющимся записям, за сорок два года правления Елизаветы было больше процессов, чем за весь XVII век».

Трактат «Демонология» короля Якова был во многом направлен против еретических взглядов двух известных личностей его времени:

Один из них, по фамилии Скот, не стыдится публично отрицать существование таких феноменов, как ведьмовство, и тем самым поддерживает старое заблуждение саддукеев, отрицавших существование духов, а другой, по фамилии Вейер, немецкий врач, публично извиняет всех этих ремесленников и в конечном итоге, ратуя за их безнаказанность, прямо изобличает себя как одного из них.

Реджинальд Скот родился в 1538 году. Согласно Энтони Вуду, в возрасте семнадцати лет Скот поступил в Оксфордский университет, предположительно в Харт-Холл, где в то время обучалось множество его земляков и однофамильцев. Позже он вернулся в родное графство Кент без получения академической степени и поселился в Смите, где получил значительную поддержку в своих занятиях от родственника сэра Томаса Скота. В этот период Скот, женившись, полностью посвятил себя чтению, изучению малоизвестных авторов, которыми пренебрегали почти все ученые, а также в свободное время занимался сельским хозяйством и садоводством.

Сэр Томас Скот, «благородный и уважаемый» родственник, оказавший значительное содействие Реджинальду Скоту в его стремлении к знаниям, и которому была посвящена книга «Исследование ведьмовства», был человеком незаурядного ума. Он снискал себе известность благодаря своей деятельности на благо графства. Сэр Томас занимал пост заместителя шерифа Кента в 1576 году и играл ведущую роль в местных движениях того времени.

11 октября 1568 года в метрической книге зафиксирован брак Скота и Джейн Кобб. Семейство Кобб было старинным семейством мелких землевладельцев, проживавших на протяжении многих лет в поместье Коббс Плейс в соседнем приходе Олдингтон. Единственным ребенком, выжившим в этом браке, была дочь Элизабет.

В 1574 году Реджинальд Скот опубликовал свой первый труд «Идеальный сад хмеля», который считается первым трактатом в Англии, пропагандирующим культивирование хмеля. В нем все аспекты этой темы освещаются с практической точки зрения.

Точные даты смерти первой супруги Реджинальда Скота и его повторного брака остаются неизвестными. Однако можно с уверенностью утверждать, что второй брак не мог состояться ранее зимы 1584 года. Кроме нескольких фактов, извлеченных из завещания Скота, о его второй жене ничего достоверно не

известно. Мы лишь знаем, что ее звали Элис, что она была вдовой с дочерью от предыдущего брака и владела землей, унаследованной ею либо по праву рождения, либо от первого мужа.

Что касается более подробной информации о жизни Скота, то известно, что в 1586–1587 годах он занимал должность сборщика субсидий, которая приносила ему жалование в размере сорока шиллингов. В документах его дважды называют «эсквайром». Томас Эди сообщает, что Скот «был студентом права и знал римское право». Более того, последнее завещание Скота, составленное, оформленное и написанное «его собственной рукой», пестрит выверенной юридической терминологией, то есть этот человек изучил область права и практиковался в ней. Его преподавание Джозеф Хантер, несомненно, был прав, когда утверждал, что Скот был назначен мировым судьей, и можно с уверенностью предположить, что это звание было присвоено ему в период между 1578 и 1584 годами. Скот участвовал в судебном процессе над Маргарет Симонс из Бренчели 3 июля 1581 года и явно присутствовал на нем в официальном качестве. Он сам допросил нескольких свидетелей и задавал вопросы обвиняемой, которая была признана невиновной.

Реджинальд Скот скончался 9 октября 1599 года и был погребен «среди предков в церковном склепе».

Вопрос о том, что побудило Скота так активно и решительно выступить против феномена ведьмовства, имеет простой ответ. Это был человек с юридическим образованием, активный в своей профессиональной сфере. Он был занят множеством дел, но находил время для «серьезного чтения» и изучения малоизвестных авторов. Скот пользовался уважением в своих кругах как интеллектуал и книголюб, а главное – он был человеком с ярко выраженной скептической позицией.

В то время тема ведьмовства широко обсуждалась. Пьер Лойе в своей работе «Три книги о привидениях» (1586) отмечал, что вопросы сверхъестественного глубоко волновали людей всех сословий. Он писал: «Из всех общих и привычных тем для разговоров, касающихся того, что находится вне природы

и недоступно чувствам, нет ни одной столь доступной и привычной, как тема духов, привидений и всего, что с ними связано. Эту тему люди охотнее всего обсуждают, задерживаясь на ней дольше всего из-за множества примеров, а также потому, что она интересна и приятна, а дискуссия по ней является самой непринужденной».

Ведьмовство было не просто предметом спекуляций, но и опасным обвинением, которое регулярно выдвигалось в судах. Несмотря на то, что этот вопрос все еще обсуждался и оспаривался, в большинстве случаев он карался смертной казнью.

Реджинальд Скот, как мы уже видели, интересовался процессом над ведьмой из Кента, Маргарет Симонс, но основным вдохновителем для его работ послужил процесс над ведьмами из Сент-Осита, так же, как и столетием позже дело Джейн Венхэм из Уолкера в Хартфордшире побудило доктора Фрэнсиса Хатчинсона написать свой «Исторический очерк о ведьмовстве», в 1718 году.

Деревня Сент-Осит расположена к северо-востоку от Челмсфорда в районе, долгие годы страдавшем от козней ведьмовских ковен. Эта группа была раскрыта практически случайно, когда бедная женщина по имени Грейс Терлоу сообщила магистрату о некоей Урсуле Кемп. По результатам тщательного расследования, обвиняемая была передана суду присяжных. Судья Брайан Дарси, известный своим здравомыслием и решительностью, тщательно изучив дело, пришел к выводу, что имеет дело с необычной степенью злобы и вредоносности. Судья досконально расследовал этот мрачный случай и в итоге арестовал шестнадцать человек, которые оказались активными участниками преступлений. Тринадцать из них были признаны виновными в убийстве через колдовство. Неизвестно точно, сколько человек понесло наказание за свои преступления, но, по некоторым сведениям, тринадцать были казнены. Скот кратко отмечает: «В Сент-Осите были одновременно осуждены 17 или 18 ведьм», но точность его сведений, как и в других случаях, вызывает сомнения.